

Посвящается Ро и Эллисон

ГЛАВА 1

Бринн

— Какое твоё любимое преступление?

Сидящая рядом девушка приветливо улыбается, и я, естественно, решаю, что ослышалась.

— Любимое что?

— Преступление, — повторяет она все с той же улыбкой.

Значит, не ослышалась.

— Типа вообще или?..

— В сериях «Мотива», — уточняет она с легким раздражением в голосе.

Поделом мне — могла бы сообразить, раз сидим в приемной детективного телешоу.

Делаю попытку реабилитироваться:

— Ну да, я поняла. Трудно сказать. Они все такие... — *как бы лучше выразиться?* — ...увлекательные.

— Я тащусь от саги о семье Сторис, — говорит она.

И больше не замолкает.

Собеседница помнит такое количество подробностей о прошлогоднем сезоне, что я мысленно снимаю шляпу. Передо мной настоящий знаток «Мотива», тогда как я только начинаю осваивать криминальную документалистику. Если честно, я даже не ожидала, что меня пригласят на собеседование. Мое обращение к ним было, мягко говоря, нетрадиционным.

Что поделать — отчаянные времена...

Каких-то пару месяцев назад, в октябре, все шло по плану. Я жила в Чикаго, возглавляла редакцию школьной

газеты и уже подала раннюю заявку в Северо-Западный колледж, в котором давно мечтала учиться. Две мои лучшие подруги тоже собирались учиться поблизости, и мы договорились снять квартиру на троих.

И тут — один облом за другим: меня выгоняют из газеты, не зачисляю в колледж, а папа сообщает, что его переводят обратно в главный филиал компании. Для нас это означает возвращение в родной Стерджис, штат Массачусетс, в наш старый дом, где после нашего отъезда поселился дядя Ник.

«Начнем с чистого листа», — сказала мама, сделав вид, что не помнит, как я рвалась оттуда четыре года назад.

В общем, теперь мне позарез нужна стажировка, которая заставит Северо-Западный колледж пересмотреть свое решение. У меня уже накопилось с полдюжины стандартных вежливых отказов. Нет чтобы написать прямо: «Дорогая мисс Галлахер! Ввиду того что самой успешной вашей публикацией в школьной газете является коллаж из фотографий пениса, вы нам не подходите».

Для справки: никаких пенисов я не фотографировала и уж тем более не публиковала. Я всего-навсего сдуру вышла из редакционного кабинета, забыв выключить компьютер и не заперев за собой дверь. Только кого это волнует? Мое имя красуется на тысяче разлетевшихся по Сети скриншотов, один из которых приземлился в *BuzzFeed* с подписью: «Скандал в школе Города ветров: розыгрыш или порнография?»

И так понятно, что и то, и другое. После седьмого вежливого отказа до меня дошло: нет смысла прятать то, что первым делом вылезает о тебе в «Гугле». Поэтому в «Мотив» я обратилась иначе.

Разговорчивая девушка в холле подытоживает свой впечатляющий анализ семейной драмы Сторис и круто меняет тему.

— Ты где учишься? — спрашивает она. — Я на втором курсе Эмерсона. Главная специальность — медиа-арт,

дополнительная — журналистика, хотя, скорее всего, я поменяю их местами.

На ней клевая кожаная курточка поверх футболки с принтом и черные джинсы. На душе чуть спокойнее, оттого что мы одеты практически одинаково.

— Я еще в школе, в выпускном классе, — говорю.

— Да ну? — Ее глаза округляются. — Не знала, что они берут на стажировку школьников.

— Я сама не ожидала.

«Мотив» не входил в список, который я составила со своим личным консультантом по профориентации, четырнадцатилетней сестрой Элли. Я наткнулась на их программу, прочесывая сайт *Boston.com*, потом погуглила и выяснила, что их главный продюсер Карли Диаз прошлым летом на время переехала из Нью-Йорка в Бостон, чтобы ухаживать за кем-то из родителей. «Мотив» — не особо широко известное, зато быстро набирающее обороты телешоу в жанре криминальной документалистики. Пока они выходят только на канале кабельного телевидения, но поговаривают, что их вот-вот приберет к рукам какой-то крупный стриминговый сервис.

Статья на *Boston.com* называлась «Карли Диаз устанавливает и нарушает собственные правила» и сопровождалась фотографией: Карли в ярко-розовом тренче стоит подбоченившись посередине Ньюбери-стрит. Непохоже, что такая особа осудит человека, угодившего в передрагу. Скорее она осудит любого, кто не примет вызов с гордо поднятой головой.

— Значит, ты работаешь в школьной газете? — спрашивает студентка из Эмерсона.

Вот умница, бьет сразу в больное место.

— Уже нет.

— Да ну? — Одна бровь съезжает к переносице. — Тогда как...

— Бринн Галлахер? — разносится по приемной. — Карли вас ждет.

— Ничего себе! — Глаза моей новой знакомой округляются. — Я и не предполагала, что Карли проводит собеседования лично.

— Как-нибудь справлюсь, — говорю я, встаю и перебрасываю сумку через плечо. — Чем черт не шутит.

Ловлю себя на мысли, что с удовольствием посидела бы подольше со студенткой из Эмерсона и ее нескончаемыми вопросами. Улыбаюсь ей, как давней подруге, и прошу:

— Пожелай мне удачи.

Она поднимает вверх два больших пальца:

— Ни пуха.

Вхожу за секретаршей в просторный, застекленный от пола до потолка офис. За окнами раскинулся бостонский Бэк-Бей. Сейчас, правда, не до вида из окна. Навстречу мне поднимается сама Карли Диаз. Она одаривает меня сияющей улыбкой и протягивает руку:

— Добро пожаловать, Бринн.

Совершенно растерявшись, я едва не выкрикиваю: «Пожалуйста!»

— Спасибо, — говорю, трясая ее руку. — Рада познакомиться.

На ум почему-то приходит эпитет «гигантская», хотя без четырехдюймовых каблучков Карли совсем не высокая. Просто от нее исходит такая энергия, что кажется, будто она светится изнутри. Невероятно густые и блестящие черные волосы, безукоризненный макияж, скромное, но элегантное платье — все вызывает желание выбросить свой гардероб и начать жизнь заново.

— Присаживайся, — говорит Карли и возвращается за стол. Секретарша беззвучно исчезает за дверью. — Пить не хочешь?

Передо мной стеклянные стаканы и графин, до краев наполненный водой со льдом. Стоит ли моя легкая жажда громадного риска облиться самой или, того хуже, облить ноутбук Карли?

— Нет, спасибо.

Карли соединяет пальцы в замок: на каждом по вызывающе массивному золотому кольцу. Ногти покрыты темно-красным лаком — ухоженные, хотя недлинные.

— Что ж, — начинает она с улыбкой. — Ты наверняка догадываешься, почему тебя пригласили?

— Потому что я прислала вам заявку? — осторожно предполагаю я.

— Именно. — Улыбка становится шире. — Мы получили около пяти тысяч писем. В основном от студентов окрестных колледжей, хотя есть и желающие переехать издалека. При такой конкуренции выделиться нелегко. — Я напрягаюсь. — И должна признать: ничего похожего на твое письмо я в жизни не видела. Его заметила одна из наших продюсеров и сразу же переправила мне.

Карли нажимает на клавишу, поворачивает экран, и я вижу свой чудо-имейл из девяти слов: «Я правда пишу лучше. — Ссылка на пресловутую статью в *BuzzFeed*. — Заранее спасибо за уделенное время».

Мои уши пылают, а Карли продолжает:

— Своим имейлом ты убила сразу двух зайцев. Во-первых, рассмешила меня — я хохотала до слез, когда открыла ту статью. Во-вторых, никаких других ссылок ты не добавила, и мне пришлось потратить пятнадцать минут очень плотно расписанного дня на поиски твоих репортажей. — Она откидывается на стуле, буравя меня темными глазами. — Неслыханное дело.

Довольная гримаса уже готова появиться на моем лице, но я вовремя спохватываюсь: вдруг это не комплимент?

— Я надеялась, вы оцените мою честность. — Смущенно ерзаю на стуле. — И... краткость.

— Опасный ход, — говорит Карли, — и смелый. Мне понравилось. Кстати, выгонять за такое из газеты — полный бред. Ты хоть знаешь, кто тебя подставил?

— Еще бы.

Я хмурюсь и скрещиваю руки на груди.

В то время я собирала материал по делу о фальсификации отметок с участием нескольких игроков нашей баскетбольной команды — между прочим, чемпионов штата. Их тупорылый капитан Джейсон Прютт зажал меня в раздевалке и рывкнул свое обычное: «Не нарывайся». Я не подчинилась, и неделей позже, как раз после баскетбольной тренировки, в Сети обнаружили те самые фотографии.

— Виновник, естественно, не сознался, а доказательств у меня не было.

— Жаль, — отзывается Карли. — Таких, как ты, следует не выгонять, а продвигать. Пишешь ты и в самом деле неплохо.

Я расслабляю плечи, вот-вот расплывусь в улыбке. Кто бы мог подумать, что так легко заполучу место? И вдруг слышу:

— Только мы не берем на стажировку школьников.

— В вашем объявлении не сказано, что обязательно быть студентом, — не теряюсь я.

— Случайное упущение, — спокойно парирует Карли.

Я сникаю, но тут же беру себя в руки. Стала бы она со мной беседовать, если не собиралась нарушить правило.

— Обещаю работать в два раза усерднее любого студента! Буду сидеть в офисе каждую свободную от уроков минуту, включая ночи и выходные.

«*Больше в Стерджисе все равно делать нечего*», — едва не добавляю я, но вовремя решаю не грузить Карли излишней информацией.

— Пусть я не самый опытный кандидат, — продолжаю я, — зато брежу журналистикой чуть ли не с младших классов. Для меня других профессий просто не существует.

— Это почему же?

Потому что больше я ни в чем не преуспела.

У нас в семье один другого талантливее. Папа — блестящий ученый, мама вся в наградах за иллюстрации

к детским книгам, а Элли — виртуоз флейты. Все они буквально с пеленок знали, чем хотят заниматься. Я же, сколько себя помню, безуспешно пыталась найти свой особенный, уникальный талант, лишь бы не стать еще одним дядей Ником.

«Он так и не понял, чего хочет от жизни, — вздыхал каждый раз отец, когда его сводный брат в очередной раз менял факультет. — Видимо, не всем дано».

Такое впечатление, что в семействе Галлахер нет порока ужаснее, чем с детства не определиться с жизненным призванием. Как бы я ни обожала дядю Ника, роль второго оболтуса в семье меня никогда не привлекала. Можете представить, с каким восторгом и облегчением я услышала в восьмом классе от учителя, что у меня журналистский талант. Он посоветовал писать для школьной газеты, я так и сделала — и впервые в жизни обнаружила настоящие способности. На горизонте замаячила цель. «Бринн скоро начнет вещать на Си-эн-эн», — горделиво шутили родители.

Вот чего я лишилась осенью. Все мои старания, все достижения, которыми я так гордилась, обернулись каким-то злым фарсом.

Впрочем, такое объяснение вряд ли подходит для успешного собеседования, поэтому я чеканю:

— Я верю, что каждая история достойна того, чтобы ее услышали; журналист наделяет голосом тех, у кого его нет.

— Неплохо сказано, — вежливо кивает Карли. Впервые с начала нашего разговора я замечаю в ней потерю интереса и тут же краснею. Стандартные формулировки здесь явно не катят. Меня пригласили не из-за стандартно составленного обращения. — Однако мы не «Нью-Йорк таймс», понимаешь? Документалистика преступлений — ниша очень специфическая, и если тебя не увлекает...

— Еще как увлекает! — перебиваю я. Знаю, рискованно, только я готова на все, лишь бы получить здесь место.

Собирая информацию о телешоу, я вдруг осознала, что «Мотив» может дать мне гораздо больше, чем бонус для поступления в колледж. — Я как раз собиралась об этом поговорить. У меня и настоящее резюме есть, и требуемый опыт работы: соцсети, копирайтинг, редакция, проверка фактов и тому подобное. Даже рекомендации. Только, если вы не против, я хотела бы поделиться идеей для сериала.

— Вот как?

— Ага, минутку. — Я лезу в сумку и достаю оттуда бумажную папку с тщательно подготовленным для встречи материалом. — Нераскрытое преступление в моем родном городе.

Брови Карли ползут вверх:

— Ты мне сценарий предлагаешь? Прямо на собеседовании?

Замираю с наполовину открытой папкой. Не пойму: Карли это впечатляет, раздражает или забавляет.

— Да, — говорю. — Если позволите.

— Что ж, — разрешает она, чуть улыбнувшись. — Я слушаю.

Явно забавляет. Ладно, могло быть и хуже.

Достаю лежащую сверху фотографию из «Стерджис таймс». Под ней подпись: «Победители олимпиады штата по литературе — ученики школы Сент-Амброуза Бринн Галлахер и Ноа Тэлбот». На фото мне тринадцать и рот до ушей — всего нас на снимке трое, я посередине с медалью на шее.

— Какая ты тут милашка, — замечает Карли. — Поздравляю.

— Спасибо, дело не в награде. Я храню фотографию в память о нем. — Тыкаю пальцем в улыбающегося мужчину. Он молод, красив и даже на газетном снимке излучает энергию. — Мистер Ларкин преподавал у нас язык и литературу. В тот год он только начал работать в Сент-Амброузе. Это он уговорил меня участвовать в олимпиаде и рекомендовал в школьную газету.

К горлу подкатывает комок. Слова мистера Ларкина звучат в сознании, будто и не было этих четырех лет: «У тебя определенно талант». Он и представить себе не мог, что они для меня значили. Я так и не успела ему это рассказать и теперь буду сожалеть об этом до конца своих дней.

— Мистер Ларкин помогал каждому ученику раскрыть собственный потенциал, — продолжаю я. — И выявить способности у тех, кто считал себя ни на что не годным.

Поднимаю глаза на Карли — внимательно ли она слушает? — и добавляю:

— Через два месяца после той олимпиады мистера Ларкина убили. Пробили голову камнем. Его нашли в лесу за школой трое моих одноклассников.

Я показываю на фотографию, точнее, на мальчика с такой же медалью, как у меня.

— Один из них — Ноа.